

Вячеслав Степанов

(Москва, Россия)

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН,

Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы

E-mail: vpstepanovpochta@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5026-9505

Бессарабские этюды: еврейская культура в трудах русских авторов XIX – начала XX в.

Аннотация: Представлен анализ трудов русских чиновников и офицеров XIX – начала XX в., в которых встречаются описания культуры, быта и национального характера представителей еврейского населения Бессарабии и сопредельных с ней территорий (П. Свињин, Ф. Вигель, И. Яковенко, И. Аксаков, А. Скальковский, Н. Дараган, А. Защук, А. Шмидт, Л. Берг). Отдельным вниманием охвачено художественное слово русских писателей обозначенного периода: «Странник» А. Вельтмана, мемуары С. Урусова. Автор подчеркивает важность привлечения художественных произведений к освещению традиционно-бытовой культуры еврейства, его положения, характеристики народа и его отдельных представителей.

Ключевые слова: Бессарабия, XIX – начало XX в., евреи, черта оседлости, русские авторы, писатели, офицеры Генерального штаба, традиционно-бытовая культура, культура повседневности, художественные произведения, очерки, мемуары.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.02

Евреи Бессарабии: краткие исторические сведения и экскурс в их изучение в советский и постсоветский период. Первые еврейские поселенцы появились на молдавских землях в конце XIV–XV в. Господарь Александр Добрый даровал евреям привилегии в торговле. Стабильное положение евреев в крае привело к их дополнительной миграции сюда из Германии и Польши, где они подвергались притеснениям. Несколько семей в XV в. переселилось и из Испании, из-за преследования там евреев Фердинандом II и его супругой Изабеллой I [Защук 1863, 525]. Однако было бы неверно утверждать, что евреи в Молдове постоянно находились

в благоприятном положении. Средневековые нравы и религиозный фанатизм проявлялись и здесь. Так, В.С. Зеленчук, ссылаясь на Фр. Миклошича, обращает внимание на то, что в XVI в. ограничительные меры коснулись и молдавских евреев. Петр Хромой (Шкьопул) даже издал указ об их изгнании из страны из-за конкуренции, которую они составляли молдавским торговцам скотом [Зеленчук, 1979, 63–64].

Уже в XVII в. евреи вновь обосновались в селениях Молдовы, прежде всего в городах. Но и в дальнейшем – в XVII, XVIII вв. – неоднократно наблюдаются преследования евреев и ограничение их в правах [Зеленчук, 1979, 64].

Непросто складывалась судьба евреев и в России. В 1791 г. императорским указом Екатерины II была определена черта постоянной еврейской оседлости, обозначившая территорию, где разрешалось проживать и вести торговлю лицам еврейской национальности. Черта оседлости определялась по факту второго раздела Речи Посполитой. Ее восточные окраины, заселенные и евреями и вошедшие в состав России, подверглись регламенту проживания. Со временем территория, где разрешалось селиться евреям, была предоставлена территориям, включенным в Российскую империю по второму и третьему разделам Речи Посполитой (1793–1795), Курляндской губернии (1799). Позже, к концу XIX в., черта оседлости включала Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую, Черниговскую, Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Екатеринославскую, Киевскую, Ковенскую, Минскую, Могилёвскую, губернии. К местам расселения еврейского населения относилась и Бессарабская губерния.

В центральных же губерниях России, а особенно в столице, позволялось селиться лишь отдельным социальным категориям евреев: купцам первой гильдии, лицам с образованием – врачам, адвокатам, а также... проституткам.

С 1808 г. российским евреям было запрещено жить в существующих сельских населенных пунктах, но при этом было предоставлено право становиться земледельцами. Когда Бессарабия в начале XIX в. оказалась в сфере влияния России, в ней стали появляться такие еврейские колонии. Число выделяемых десятин земли для колонистов разного этнического положения варьировалось. Над еврейскими колониями устанавливался жесткий административный контроль попечительства: «Немцам и болгарам давали по 50–65 десятин на семью, позволяли самим выбирать участки. Евреям же давали по 30 десятин на семью, участки, часто самые негодные, «определялись начальством». Немец-колонист получал землю независимо от числа душ в его семье, при этом ему предоставлялась полная свобода производства, ремесла, промысла и торговли. Еврейская же семья должна была иметь не менее шести душ мужского пола при трех работниках. Еврей-колонист был ограничен в праве на отлучку для

заработков, в праве найма рабочих из христиан, без которых не обходился ни один хозяин-немец» [Пасик 2015]. Была еще одна особенность: еврейские колонисты в отличие от других не получали права на землю; подобная ситуация продолжалась вплоть до прекращения существования колоний в 1905 г. [Пасик 2015].

В Бессарабии с 1836 по 1853 г. было образовано 17 еврейских колоний. Уже в пореформенное время, в 1865 г. «было «высочайше утверждено» положение Комитета министров «О мерах к облегчению евреям перехода из земледельческого сословия в другие». Оно распространялось на евреев-земледельцев, водворенных на землях в западных губерниях. 20 января 1867 г. «высочайше утвержденное» положение Комитета министров «О мерах к облегчению всем вообще евреям... перехода из земледельческого сословия в другие» распространило положение от 12 февраля 1865 г. на всех евреев-земледельцев вообще. Те, кто так и не сумел освоить крестьянский труд, получили возможность покинуть колонии на законных основаниях» [Пасик 2015]. Как убедится читатель, знакомясь с работами авторов XIX – начала XX вв., этим не преминули воспользоваться многие.

В 1877 г. Попечительный комитет был упразднен. Его Еврейское отделение, которому были подчинены еврейские колонии Херсонской и Екатеринославской губерний, присоединили к Херсонско-Бессарабскому управлению государственными имуществами [Пасик 2015]. А с 1 января 1905 г. еврейские колонии были и вовсе упразднены.

История евреев Молдавии в советский период практически не изучалась. Можно указать лишь труды В.М. Кабузана [Кабузан 1974] и В.С. Зеленчука [Зеленчук 1979]. Ситуация изменилась в начале 1990-х гг., после указов президента Молдовы о поддержке культур украинского, русского, еврейского населения республики [Пасик 2015]¹. Еще раньше, с весны 1989 г. в Молдавской ССР начали действовать общественные организации по поддержке еврейской культуры. При правительстве Республики Молдова был создан Департамент (затем Бюро межэтнических отношений, а с 2018 г. – Агентство) [подробнее см.: Степанов 2010, 271–288], а в системе Академии наук Молдовы (АНМ) в феврале 1991 г. – Отдел по изучению национальных меньшинств, с 1 января 1993 г. преобразованный в Институт национальных меньшинств (ИНМ) АНМ, где были открыты отделы, изучающие украинское, русское, болгарское, гагаузское и еврейское население республики².

¹ По каждой этносоциальной группе был издан отдельный указ президента. Непосредственно еврейского сообщества касался указ президента Мирчи Снегура «О мерах по обеспечению развития еврейской национальной культуры и удовлетворению социальных нужд еврейского населения Республики Молдова» [Указ 1991].

² О метаморфозах данного учреждения более подробно можно получить информацию в монографиях: [Степанов 2010, 257–271; Степанов 2018, 32–37].

В 1990-е гг. в Отделе истории и культуры евреев ИНМ АНМ работали И.Э. Левит (первый руководитель подразделения), С.А. Мадиевский, Л.Л. Полевой, Я.М. Копанский, К.Л. Жигня, И.В. Табак, М.Ш. Лемстер. Несколько позже к коллективу присоединились З.Л. Столяр, Р.Я. Клейман, И.Э. Шихова и др. Первоначально для отдела была характерна положительная динамика в ходе расширения штатов [Левит 2014, 184; Копанский 2001, 29–33] и соответственно в разрабатываемой научной проблематике. Результатом этого являлся выход в свет качественной научной продукции [Cârțile editate 2014].

Пришедшая на смену молдавской национальной эйфории планомерная румынизация перманентно сталкивалась с сопротивлением промолдавских сил. При этом нацменьшинства лишь призывали изучать государственный язык. Изучение их культур отступило на задний план. ИНМ переименовали в Институтом межэтнических исследований. А после реформы АНМ объединили с Институтом археологии и Институтом искусствоведения. Отделы сократились и уменьшились. Подобная ситуация сложилась и с группой «Этнология евреев». Сегодня в ней работают всего четыре исследователя: В. Дамьян – руководитель группы, Ж. Кушнир, И. Шихова и Ю. Палихович. Тем не менее за время своего существования еврейский сектор издал сотни статей, десятки монографий, провел десятки научных конференций [Дамьян 2014; 2021]. Несмотря на сложности, еврейское направление Института продолжает успешно реализовывать свою миссию.

Спектр исторических проблем, раскрытых в еврейстике Молдовы, впечатляет, однако следует отметить, что тема освещения еврейского населения авторами XIX – начала XX в. в историографии представлена неполно. И это не потому, что неизвестны какие-либо источники, а вследствие весьма острых критических замечаний, которые для сохранения мирного сосуществования, особенно в период национальных бурлений, исследователи мудро предпочитали обходить.

Писать о еврейской этносоциальной общности наиболее сложно. Современное мироустройство сложилось таким образом, что любое некорректное высказывание в адрес любого народа является поводом для обвинения в неполиткорректности и отсутствии добрососедства (толерантности)³.

Евреев столь долго и целенаправленно преследовали в разных странах, что к настоящему времени в мировом сообществе сложилась четкая установка – говорить о евреях хорошо либо не говорить вообще, иначе

³ Автор предпочитает использовать термин «добрососедство». Он требует соблюдать границы дозволенного, что было выработано нормами общечеловеческих ценностей, но не позволяет превращать окружающее пространство в мир терпимости.

прослывешь антисемитом. Сегодня, по сути, это практически приравнивается к фашистской принадлежности.

И здесь возникает вопрос о том, как представлять еврейское сообщество края, говоря о теме освещения русскими исследователями бессарабского населения XIX – начала XX в.: максимально объективно, как того требует историческая наука, или односторонне представляя только хорошие и положительные качества народа, о которых писали современники изучаемого времени? Понятно, что любой читающий эти строки сразу скажет, что нужно выбирать первое направление. Вместе с тем картина при этом будет несколько иной, и не те, которые захотели слышать объективную информацию, будут ее озвучивать...

Тема бессарабского еврейства требует отдельной книги и не одной. Однако говорить, что данное направление получило достаточное развитие, не приходится. Было бы справедливо констатировать, что отношение к еврейскому населению в России всегда являлось отстраненно-настороженным. Причиной тому – масса факторов: религиозных, конъюнктурно-политических, экономических и, наконец, поколенческих. Общество формировало и транслировало свои мировоззренческие взгляды на подрастающее поколение, а оно, в свою очередь, передавало их своим детям. Конечно, жизнь не стояла на месте, равно как не оставались неизменными и общественные взгляды. Но усвоенные гетеростереотипы надолго оставались в народных представлениях.

К вопросу об изучении еврейского населения Бессарабии в XIX – начале XX в. Авторы рассматриваемого периода условно можно разделить на три категории: критично настроенных в отношении еврейства в крае, его симпатизантов (их было меньше), а также тех, кто пытался смотреть на проблему отстраненно, нейтрализуя за сухими комментариями всё, что посчитали нужным не озвучивать.

Один из первых бытописателей Бессарабии, П. П. Свињин, останавливался на вопросе происхождения евреев в Бессарабии⁴:

Жиды здесь двух родов. одни польские или немецкие, наводнившие, по изгнании их из Испании, Польшу и Германию, говорящие по-немецки, а другие выходцы из Турции и Крыма, говорящие по-турецки; они друг к другу питают непримиримую вражду; польские ненавидят турецких как самаритян, а сии польских, как суеверных лицемеров и обманщиков. И действительно, турецкие жиды – караимами называемые, гораздо честнее, совестнее и опрятнее других; польские жиды суть самые вредные граждане, по всем отношениям – обмануть христианина считают они не грехом, но торжеством их веры. Сюда, равно как в Молдавию и Валахию, вошли они и поселились большею частью со времени занятия сих земель российскими войсками. И теперь в

⁴ Здесь и далее цитаты приводятся в орфографии и пунктуации оригинала.

Валахии и Молдавии строго за ними присматривают и не допускают ни к каким важным делам, между тем как в Бессарабии они участвуют не только во всех откупах, но берут в посессии деревни. Их можно положить во всей Бессарабии до пяти тысяч семейств [Свиньин 1867, 206–207].

Из цитаты видно негативно-отстраненное отношение автора к еврейскому населению. Вместе с тем, наблюдения Свиньина о появлении народа в крае достаточно точны. По сведениям В. Зеленчука караимы представляли собой потомков тюркских племен. Они мигрировали из Бессарабии в основной своей массе к концу XIX в. Что касается евреев-талмудистов (раввинистов), то именно они прибыли из европейских стран, небольшая же часть евреев называлась «спаниолы» – вероятно, в связи с тем, что они мигрировали из Испании. Они говорили на турецком языке и на диалекте испанского [Зеленчук 1979, 63].

Небезынтересно проследить за впечатлениями А.Ф. Вельтмана, посетившего Кишинев в пушкинскую пору:

В некоторых домах еще светилося: я чувствовал, что пахло жидами. – Фактора! – Фактора? Фактора?⁵ – раздалось со всех сторон. Во всех домах распахнулись двери, и вдруг какая-то магическая сила осыпала меня жидами. – Фактора вам? в трактир вам надобно? – Да! – К Исаевне, ваше благородие! лучше нет заездного дома во всем Кишиневе. – К Голде, в. б.! – кричала другая толпа. – Куда ближе, к Голде или к Исаевне, все равно! – К Исаевне ближе! – Не верьте им! к Голде ближе! Неправда, неправда! – раздавалось с левой стороны... – Ступай налево!.. – Направо! – кричали другие.

– Вот Исаевна!

– Вот Голда!

– Где же? – Вот направо! – Не слушайте их, вот налево!

Наконец с обеих сторон в один голос раздалось: здесь! вот направо! вот налево! – и я увидел, что левую пристяжную жида тянут в ворота налево, а правую пристяжную в ворота направо, из чего я и заключил тотчас, что Исаевна и Голда обитают одна против другой. Но толстая жидовка слева предупредила толстую жидовку справа ласковым приглашением нива (так в тексте – прим. авт.) в комнату, и я вступил во владение Исаевны. Вещи внесли. Жиды рассеялись, как туман. На улице опять ничего не стало слышно... [Вельтман 1831, 27].

Приведенный фрагмент из «Странника» Вельтмана подчеркивает несколько аспектов, на которые хотелось бы обратить внимание. При чтении произведения сразу ощущается некая надменность приехавшего из столицы автора в отношении любых местных жителей, это особенно

⁵ Фактор – зд.: поверенный в делах.

касается простолюдинов, в том числе и евреев. Одновременно художественный взгляд писателя уловил важный штрих народного портрета. Речь идет о коллективизме, чем, собственно, всегда отличались еврейские поселенцы, стремящиеся держаться вместе в условиях иноэтничного окружения. В нескольких фрагментах писатель обращает внимание на активную форму торговли, когда продавцы буквально навязывали покупателю товар, при этом не конфликтуя друг с другом:

Но вот направо и налево – лавки и магазины, наполненные изделиями Турции и Австрии. Штемпели Вены и Лейпцига, Стамбула, Измира ручаются за дешевизну и доброту.

Не довольствуясь тем, что необходимость и желание перевести деньги наполняют лавки и магазины покупателями, сидельцы ловят вас на улице, уговаривают, влекут насильно в лавку, соблазняют дешевизной, уступкой, и, прежде нежели вы решились купить то, на что взглянули, товар уже отмерян, взвешен, отрезан, завернут и всунут вам в руки; – что же остается вам делать? – платить.

После этого верьте вышеозначенной аксиоме! Кто больше жида уверяет, что товар его ganz fain (самый лучший (идиш))? А вы принимаете все за чистые деньги.

К проезжающим мимо лавок – то же жестокое внимание, то же насильственное угождение (курсив в источнике. – В.С.).

Не успели еще усталые лошади мои сделать нескольких шагов между длинными строями лавок, и уже потомки *Израиля* обсыпали мою бричку и набросали в нее всего, что по догадливости своей они считали нужным мне продать. Что было мне делать? Лошади мои, как будто подкупленные жидами, стали, и я должен был выслушать цену товаров: – Батист, батист! – кричал рыжий еврей, – ganz gut, fain! (самый хороший, лучший! (идиш)), восемь червонцев за штуку! – Голландское полотно! – кричал другой, с витыми пейсами. – Äch! fünf Dukaten Stuck (Эх, пять дукатов за кусок! (идиш))! Сукно Sedan, пятнадцать левов локоть. Шаль! бур-де-суа! четыре червонца! кэртс ди вист ку карикатурь (визитные карточки с карикатурами! (молд.))! опту-спре-зечи лей! кумпара, кумпара, боер (восемнадцать лей! купи, купи, господин! (молд.))! Kausen Sie, kausen Sie, mein lieber Herr (Купите, купите, дорогой господин! (идиш))!

– Сараку-ди-мини (Бедный я! (молд.))!» [Вельтман 1831, 187].

В другом своем фрагменте «Странника» Вельтман обращает внимание на гармонию еврейского языка:

Акустика, или физика, жидовского наречия поразила меня. Есть что-то в произношении оригинальное, и в подражании может быть выражено только посредством какого-нибудь инструмента. <...> Это очень любопытно для

каждого любителя приятных звуков или мелодии выражений, особенно издаваемых устами милых женщин; но это особенная статья, которая должна быть помещена в главе о гармонии Вселенной и о хоре гениев, когда они возносят на небо праведную душу [Вельтман 1831, 28].

Еврейское окружение и специфика поведения произвели на писателя столь сильное впечатление, что его персонажу (а он излагает все от первого лица) приснился даже сон, в котором он в дороге попал в такую житейскую ситуацию, где все персонажи были еврейского происхождения, разговаривая с ним на своем языке [Вельтман 1831, 148].

Вельтман, безусловно, яркий писатель, его талант не вызывает сомнения, но творчество свое он ориентировал на понимающего, образованного читателя. Это был писатель не для всех, во многом опережавший свое время, мастерски использовавший стиль гротеска. Отчасти поэтому его не все и понимали. Его за это и хвалили, и критиковали В. Г. Белинский [Белинский 1948, 81; Юхнова 2015]. Но при этом этнографические зарисовки А. Ф. Вельтмана своей образностью помогают ощутить ту самую народную специфику, которую столь старательно пытаются рассмотреть профессиональные этнологи.

Обстоятельные и довольно критические замечания о Бессарабии оставил в 1823 г. Ф. Ф. Вигель. Евреи в его описании подаются в неприглядном виде. Правда, еще современники отмечали эту критичность Вигеля, «граничащую с черносотенностью» [Вигель. Русский биографический словарь. Б. г. Сетевая версия]. Критикуя в «Записках о Бессарабии» сложившуюся в крае систему управления, Ф. Ф. Вигель отметил в разделе, посвященном работе уголовного суда:

Так как нет здесь ни одного уголовного дела, в котором бы евреи не имели более или менее участия, и они находятся под особенным покровительством председателя уголовного суда (г. Курика – прим. авт.), то говоря о сем суде, нет, кажется, приличнее места описать влияние сего многочисленного и вредного народа на участь жителей Бессарабии [Вигель 1892, 20].

Вигель попытался объяснить причину притока евреев из Польши, объяснив это банальной причиной, – любовью председателя уголовного суда к иудейке:

Когда старый греховодник предался всецельной страсти, сердца иудейские оживились надеждою; в старой его жидовке увидели они прекрасную Эсфирь, защитницу и подпору Израиля, и тогда, внимая молве о ее могуществе, беднейшие из них тысячами кинулись сюда из Польши. Все они прибегнули к Курику, а он, будучи тогда в тесной связи с молдаванскими дворянами, крещеными жидами, сблизил их и всеми силами способствовал их водворению;

во множестве появились тогда и здешние жидаы, дотоле скрывавшиеся во мраке [Вигель 1892, 20].

Автор сравнивает молдаван и евреев, подчеркивая сильное давление и эксплуатацию простого населения со стороны последних:

Прежде всего занимались они мелочной торговлей и исправляли некоторые ремесла, но тут начали вступать в подряды и откупа, брать на посессию имения помещиков и стали грабить и притеснять жителей. Бедные молдаване, в течение столетий попираемые, умели сохранить однако же чувство человеческого достоинства: повинуясь всем, не позволяли повелевать собою жидам...

Размножение и обогащение их в Бессарабии настоящая зараза; к тому же надобно знать, что простые молдаване едва ли не самый непорочный народ в мире; посреди рабства сберегли они необыкновенную чистоту нравов; не смотря на худые примеры, не знают воровства, не любят пить, смиренны, но упрямы как волы, ими пасомые; верность супругов и целомудрие дев почитаются самыми обыкновенными добродетелями; оболыщенную наказывают, но жалеют о ней, а оболыстителя преследуют до гроба, и не было примера, чтобы простой мужик продал честь жены своей или дочери. Посреди сих почтенных поселян да представят себе жидаов, работающих беспрестанно, чтобы развратить их, и да пожалеют о их участи! [Вигель 1892, 20–21].

Как сумел убедиться читатель, Вигелю свойственны определенные крайности в суждениях, так один народ у него выглядит непорочным и даже не пьющим (это молдаване), а другой выступает в качестве своего рода язвы на шее простолюдинов.

Учитывая то, что торговля в городах и местечках Бессарабии находилась в основном в руках евреев, это накладывало отпечаток на ее местную специфику. В связи с религиозными запретами еврейские лавки по субботам были закрыты, зато в воскресные дни в Бессарабии был «большой торг». Такой расклад приводил к тому, что христиане в воскресенье вместо церкви шли на базар, «и через то храмы христианские пустеют» [Вигель 1892, 21], – отмечал Вигель. Далее он повествует о том, что в вопрос вмешался преосвященный Гавриил, на момент написания книги Вигеля уже покойный. Интересен своей толерантностью исход дела:

Мнение его (Гавриила. – В.С.) поступило на рассмотрение в Верховный Совет, в котором тогда владычествовал Курик; он долго не хотел согласиться и сделал сие только с условием, чтобы по субботам и христианские лавки были заперты [Вигель 1892, 21–22].

Надо полагать, информация подобного рода, появлявшаяся в столице империи, косвенно подстегнула очередные реформы в Бессарабии в 1828 г.

Небезынтересно остановиться на впечатлениях русского писателя и географа И.П. Яковенко, вошедшего в историю благодаря своей книге «Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и Российской Бессарабской области» (1828). Описывая и сравнивая турецкие (Дунайские) княжества и Бессарабию, автор приходит к выводу о том, что прав и возможностей у евреев в Бессарабии было гораздо больше, нежели у их родичей в указанных княжествах. При этом автор явно не симпатизировал данному народу:

Упражнения пребывающих в Валахии евреев суть те же самые, как в России и других местах; одни из них занимаются торговлей, а другие некоторыми ремеслами. Но от содержания корчемных домов удалены <...> Совсем почти и сельские жители Валахии предохранены от тех бессовестных обманов, коими столь много разоряются земледельцы, жительствующие в Бессарабии, Польше и даже в России [Яковенко 1828, 173–174].

Ситуация в Бессарабии была вполне объяснима. Новые российские власти на момент написания книги И. Яковенко только завершили первый круг обустройства края, одной из главных задач была следующая – наполнить край людьми и начать его интеграцию в общероссийское пространство. В связи с этим в тот период существовала масса дополнительных свобод для местных жителей, власти закрывали глаза на нарушение целого ряда законов и т. п.

В 1848 г. в Бессарабию прибыл чиновник по особым поручениям при Министерстве внутренних дел, известный публицист, поэт и общественный деятель И.С. Аксаков. Он выполнял секретное поручение своего начальника – графа Л.А. Перовского в деле изучения сектантского движения. Будучи компетентным специалистом в раскольничьем вопросе, он оставил подробную записку о его состоянии в крае. В ней, по ходу изложения вопроса, Аксаков дал характеристику и бессарабскому еврейству, отмечая, в частности, что надзор за населением и его учет продолжали оставаться в Бессарабии серьезной проблемой:

Евреи, которых льготы, дарованные Бессарабии, заставляли приписываться туда в огромном количестве, из которых немалая часть существует под именами давно умерших и множество проживает неизвестно где, без всяких письменных видов, замедляют успех составления им переписи и чрезвычайно затрудняют надзор местной полиции. Из причисленных к одному Кишиневскому еврейскому обществу 362 семейства пребывают вне города, в местах неизвестных, без паспортов и без уплаты податей, падающих огромною недоимкою на их оседлых сообщественников [Аксаков 1886, 5–6].

Ограничительные меры, принимаемые правительством даже в черте еврейской оседлости, вынуждали еврейство выживать, порой пускаясь

на разного рода ухищрения и нарушения спускаемых сверху законов. Многочисленные наблюдения, касающиеся еврейского населения, встречаются и в трудах офицеров Генерального штаба. Так, Н. М. Дараган, говоря о населенных пунктах Бессарабии, подчеркивает значительный процент еврейского населения, обустроившегося в городах и местечках края к середине XIX в.:

Бричаны, местечко Хотинского уезда, в 50 верстах от г. Хотина, на прямом сообщении Хотина с Бельцами и Атаками (против Могилева), и Атак с Липканами и Новоселицею. Бричаны есть одно из важнейших местечек Хотинского уезда, по величине своей и торговой деятельности, чему в особенности способствует центральное его положение в уезде. <...> С удалением евреев на 25-верстную дистанцию от границы, многие из них должны перейти на жительство в Бричаны [Дараган 1849, 146].

Автор перечисляет целый список городов и местечек края, в которых евреи составляли значительное число жителей: Оргеев, Сороки, Телешты, Фалешты, Хотин [Дараган 1849, 161].

Н. М. Дараган указывал на сильное влияние евреев в Бессарабии, особенно в северной и средней ее частях:

Они имеют в своих руках капиталы, а, следовательно, почти всю промышленную деятельность края [Дараган 1849, 105].

Отмечая широкое занятие ростовщицеством среди «низшего класса народа», автор одновременно подчеркивал: влияние евреев является настолько значительным

для движения всех отраслей промышленности, что до сих пор нельзя привести в совершенное исполнение даже указа об удалении евреев на 25-верстную дистанцию от границы, изданного в видах надежнейшего таможенного охранения границы государства [Дараган 1849, 106].

Исследователь края обратил внимание на опыт создания шести еврейских колоний, о которых уже говорилось выше, в Оргеевском и Яском уездах,

в которых считается до 3000 душ обоого пола. Колонии эти процветают; но каждая деревня кроме землепашцев наполнена непременно множеством мастеровых и мелких продавцов [Дараган 1849, 106].

Тем самым автор подчеркивал этническую торгово-промышленную жилку евреев. Характеризуя религиозную ситуацию в Бессарабии,

Н.М. Дараган сообщал, что после господствующей православной религии «в области находится более всего евреев, а из христианских вероисповеданий лютеран» [Дараган 1849, 138].

Сведения Дарагана дополняют наблюдения другого офицера Генштаба – генерала А.И. Защука⁶. Автор явно не симпатизировал еврейскому населению края, но одновременно отдавал должное его умению вести дела. Как и Дараган, Зашук подчеркивал, что практически вся экономика края была сосредоточена в руках евреев:

Торговая деятельность, повторяем, исключительно в руках евреев, а потому и самые выгодные места не могут похвалиться цветущим состоянием, не говоря уже о нынешней красоте и благоустройстве таких городов и местечек, о чем евреи мало заботятся. А между тем берега Днестра довольно густо населены [Зашук 1862, 91].

<...> капиталы, показываемые купцами, особенно евреями, в руках которых почти вся внутренняя и большая часть внешней торговли Бессарабии, далеко не соответствуют действительным капиталам, находящимся у них в обращении; ибо из купцов 3-й гильдии, весьма многие, начав торговлю с самым малым капиталом, приобретают кредит, а другие, особенно евреи, бывшие доверенными поставщиками и подрядчиками на армию в течение последней войны, приобрели огромные барыши и значительные капиталы,

⁶ Зашук Александр Иосифович (1828–1905), родился в семье отставного майора Йосифа Семеновича Защука и Анны Казимировны Галковской. В 1848 г. окончил Павловский кадетский корпус. Принимал участие в Венгерском военном походе 1849 г. Вернувшись в Россию, продолжил образование в Императорской военной академии. Еще во время учебы был направлен в Севастополь, где принимал участие в боевых действиях с весны 1854 г. по осень 1855 г. Неоднократно был отмечен высокими государственными наградами и повышением в чине. О боевой доблести А.И. Защука, в частности, свидетельствует умелая операция, осуществленная под его командованием, когда спецотряд охотников ночью 1 октября 1854 г. выпустил боевые ракеты в коновязи английской кавалерии, чем причинил огромные потери армии противника. Будучи тяжело раненым, А.И. Зашук покидает боевые позиции и продолжает службу в Генеральном штабе. В 1862 г. составляет подробное двухтомное описание Бессарабской области, за составление которого произойдет в чин капитана и получает солидное денежное вознаграждение. В последующем Зашук командовал 128-м Старооскольским полком, затем 51-м Литовским пехотным полком. В 1877 г. он получил звание генерал-майора. В отставку вышел в 1880 г. Ушел из жизни 30 января 1905 г. в Ялте, где проживал с 1885 г. Будучи профессиональным военным, А.И. Зашук проявлял постоянный интерес к науке. Был членом РГО и Одесского общества истории и древностей. Он известен как исследователь, собравший богатый материал по истории, географии, демографии, этнографии и фольклору Бессарабии, сотрудничавший с «Бессарабскими губернскими ведомостями» и «Записками Одесского общества истории и древностей».

но не желая тратить деньги на записывание в высшие гильдии, производят торг на прежнем основании [Защук 1862, 361].

Автор указал на еще несколько местных особенностей решения экономических вопросов, где еврейское население играло не последнюю роль. Во-первых, это была широко распространенная среди лиц еврейского происхождения система брать в посессию имения:

Для избежания различных хлопот по хозяйству, многие помещики отдают свои земли в посессию, стараясь получить с имения хоть меньший, но уже верный доход, без различных хлопот. Некоторые посессоры, а также и многие помещики, в свою очередь, отдают от себя (под своим именем), по частям или целиком, имение в аренду какому-нибудь аферисту-греку, преимущественно же еврею, и тот уже, действуя именем посессора или под видом помещичьего приказчика, знает, как справляться с царанами и с земскими властями [Защук 1862, 244] ⁷.

Во-вторых, у автора речь шла о широко распространенной у местных евреев практике брать на содержание почтовые станции, которые, по его словам,

за весьма немногими исключениями, содержатся евреями или берутся ими в аренду от лица, который считается почтосодержателем. Содержание станции составляет для еврея промысел второстепенный; станция – это его стратегический пункт, где он сначала устраивает колонию из кое-как слепленных мазанок, где поселяет свой род и дополняет его приказчиками, подприказчиками, разными мастеровыми, частью беспаспортными и проч.; вместе с тем, он старается завладеть в окрестностях несколькими корчмами или взять по соседству в посессию имение под чужим именем и, с помощью одуряющих мастик (бессарабская водка, приправленная анисом), знакомится с нравами, обычаями и состоянием окрестных земледельцев, которых вскоре делает своими рабами. Зимой, когда эти простолюдины бедны и нуждаются в деньгах при взносе податей, еврей дает им займы, с условием уплатить будущим урожаем хлеба, табаку, вина, приплодом скота, одним словом всем, чем зем-

⁷ А. Защук обратил внимание на еще одну региональную особенность: «Бессарабский помещик, а тем более посессор (мы не говорим о людях образованных) по возможности стараются скрыть свои доходы, говоря, что „никому нет дела до их карманов”, а поселянин-молдаван не имеет никакого понятия о русской четверти, и показывая даже справедливо свой посев и урожай, показывает его не четвертями, а килами (каждое кило равняется 2,5 четвертям); местные же полицейские власти, не давая себе труда проверять получаемые ими сведения и обращать число кил в четверти, вписывают в таблицы данного формата доставленные им цифры» [Защук 1862, 234].

деделец бывает богат летом и осенью, и чем он платит еврею за рубли – десятками рублей. Не дай Бог земледельцу воспротивиться в отдаче всего насчитанного и требуемого евреем: пропадет и последнее, скудное имущество и сам бедный семьянин пострадает лично. В руках евреев вся коммерческая деятельность Бессарабии [Защук 1862, 83–84].

В данном случае авторы не берутся комментировать цитированное явление. Это, скорее, можно отнести к своего рода отпечатку времени и региональной специфике.

В-третьих, А. Защук обратил внимание на еще одну любопытную особенность достаточно длительного «пополнения» региональной экономики. Речь шла о контрабанде как источнике дохода определенных слоев населения. По словам Защука (которые в последующем времени подтвердят другие авторы), подобной деятельностью наиболее часто занимались лица еврейского происхождения:

Контрабандою занимаются преимущественно и почти исключительно евреи. Первый приют контрабандных товаров находится в ближайших пограничных селениях, особенно в местечках, населенных евреями-промышленниками: Новоселице, Липканах, Скулянах и Татар-Бунаре [Защук 1862, 358].

Чтобы представить себе масштабы бессарабской контрабандной деятельности, достаточно прочитать комментарии А. Защука:

Все товары – из Новоселицы и частью из Липкан направляются в город Хотин, далее на Каменец-Подольский, Житомир и Бердичев; другая часть контрабанды, преимущественно шелковые материи и ситцы, перевозимые по линии от Липкан до Скулян, направляются в местечко Фалешты и г. Бельцы. Контрабанда юго-западной границы Бессарабии направляется в Кишинев, а южной границы – на Аккерман [Защук 1862, 358].

В своей «Этнографии Бессарабской области» А. Защук писал:

Города Хотин, Бельцы, местечки: Новоселица, Липканы, Скуляны и Фалешты населены целиком обществами еврейских контрабандистов, укрывателей беглых и разного рода преступников. <...> Много еще надобно времени и изменений в нашей администрации, чтобы улучшить понятия и быт еврейского простонародья [Защук 1863, 526].

В связи с превалированием украинского населения в Новороссийском крае региональная специфика согласно традиции приписывала ему занятие извозом. Но говоря о Бессарабии, А. Защук подчеркнул, что

этим в немалой степени занимались евреи и русские. При этом он отметил, что

наем извозчиков не так выгоден, как наем воловых подвод, потому что извозчики должны покупать овес и сено, но зато они идут не по одному пути, определенному направлением самой промышленности, а по всем направлениям и, кроме того, во всякое время года [Защук 1862, 364 и др.].

Таким образом, в заслугу А.И. Защука следует отнести его комментарии относительно традиционных занятий евреев изучаемого периода. На начало 1860-х гг. он указал численность евреев края в 78 тыс. 751 чел. [Защук 1862, 384].

В другой работе – «Этнография Бессарабской области» – А. Защук относит евреев края к числу колонистов, наряду с болгарами, немцами и др. Ссылаясь на П.П. Свиньина, он указывает количество проживавших на территории Бессарабии евреев – 5 тыс. чел. [Защук 1863, 525]. Эту же цифру использует и В.С. Зеленчук [Зеленчук 1979, 64], но при этом ссылается на Защука, а не на Свиньина. Отталкиваясь от переходящей из публикации в публикацию одной и той же цифры, допустимо предположить, что примерно такое число жителей еврейского происхождения и находилось в Бессарабии в первые годы после присоединения к России.

На начало 1860-х гг. Защук указывает 13 еврейских колоний [Защук 1863, 526], хотя, по данным современных источников, в период 1836–1853 гг. было создано 17 подобных поселений. В них насчитывалось 10 тыс. 859 чел., что составляло 12,5% населения, которое занималось фермерством [Бессарабия / Электронная Российская энциклопедия 1995]. В сложившемся к евреям отношении в немалой степени были виновны российские власти того времени, которые проявляли непоследовательную политику в отношении к еврейству, с одной стороны, усматривая в нем потенциал для укрепления окраинных территорий, с другой – периодически впадая в «запретительство и ограничения», усматривая в евреях инакомыслие и неблагонадежность, связанные с иноконфессиональностью [Мадиевский 1993]. Ограничительные законы выходили на протяжении второй половины XIX в. – в 1869, 1878, 1882, 1886, 1891 гг. Завершилась эта политика трагедией Кишиневского погрома 1903 г. Возвращаясь к колониальной странице бессарабского еврейства, следует отметить опять же вину властей, которые, с одной стороны, создали колонии и способствовали переселению в них евреев, с другой, запретили «Временными правилами» евреям селиться в сельской местности [«Временные правила» / Электронная Еврейская энциклопедия 1995], а еще ранее – в приграничной полосе, что лишь способствовало коррупционным схемам и многочисленным нарушениям.

Автор обращает внимание на сильное социальное расслоение в среде местного еврейства, выделяя высокообразованную элиту:

Довольно указать, что в числе 20-ти медиков, состоящих в штате медицинских чиновников области, половина из евреев, а из 10-ти вольнопрактикующих врачей 2-е из евреев. С другой же стороны, самая большая часть еврейского населения области, составляющая еврейскую чернь, еще пропитана старыми предрассудками [Защук 1863, 526].

Что касается устройства еврейских колоний, то Защук отзываясь о них неудовлетворительно, подчеркивая отсутствие у евреев-колонистов склонности к физическому труду, распространение «мелких промыслов и мастерства», проживание большинства колонистов в городах [Защук 1863, 527].

А. Шмидт, также офицер Генерального штаба, в описании Херсонщины старался придерживаться непредвзятого взгляда на изучаемую действительность. Подобный подход он пытался реализовать, исходя из патриотических⁸ соображений,

потому что истинный патриот должен, прежде всего, позаботиться об искоренении тех начал, которые ни в каком случае не могут составить чести его нации <...> Между тем стоит только заговорить о евреях, и особенно об экономическом значении их существования, относительно прочего населения, как самая ожесточенная, не знающая границ полемика силится нам нередко доказать, что противно общим человеческим началам и вопросу придают такой оборот, как будто пишут против евреев, посягают на их человечность и пр. Я говорю здесь о евреях, точно так же, как о малороссиянах, молдаванах и пр., и говорю о тех данных, которые представляет это племя, говорю о том месте, которое оно занимает в общественной жизни края. Потому, повторяю, что я смотрю на евреев, как на всякое другое племя, входящее в состав человечества, столь склонного даже свои хорошие инстинкты обращать в отрицательную сторону, когда обстоятельства тому содействуют [Шмидт 1863, 510-511].

При этом обращает на себя внимание определенный субъективизм, свойственный исследователю своего времени. Еврейское население в интерпретации Шмидта предстает в качестве эксплуататора простонародья. По его утверждению, этому в немалой мере способствовал непонятный для других язык. Автор приводит слова старика-крестьянина:

⁸ Те, кто шел на еврейские погромы, тоже именовали себя «патриотами». Поэтому к данному термину, когда речь идет о межэтнических отношениях, следует подходить осторожно.

«Коли б евреям запретили при народи говорить по-жидовски, то они бы так не обдужали нашего брата». Автор задается, как представляется, наивным вопросом; «почему евреи, заменившие свой родной язык испорченным немецким, не могут усвоить местное наречие» [Шмидт 1863, 517].

Начнем с того, что евреи прекрасно владели всеми местными наречиями того большинства, среди которого они проживали. Насчет «испорченного немецкого», о котором пишет А. Шмидт, тоже необходимо сделать пояснение. Евреи Бессарабии и Левобережья Днестра в повседневности общались друг с другом на народном языке – идиш, который относится к германской языковой группе и получил распространение в Центральной и Восточной Европе в X–XIV вв. В основу данного языка легли заимствования из современного немецкого языка, а ранее из средневерхненемецких диалектов и древнеарамейского языка. Поэтому, отдавая дань наблюдательности А. Шмидта, следует признать, что в данном вопросе он до конца не разобрался. Возможно, сказалась определенная предвзятость, сформированная общими тенденциями предубежденного отношения к евреям в описываемое время.

Отсюда, кстати, ошибочное утверждение А. Шмидта о массовой безграмотности евреев, что считалось в их среде «религиозным отступничеством», которое якобы поощрялось раввинами [Шмидт 1863, 517]. В тот период в еврейской среде были распространены основы религиозного образования, что способствовало укреплению этноконфессиональной идентичности народа, его сплочению в иноэтничном окружении.

Констатируя, что в 1840 г. в губернии были учреждены губернские комитеты из местных раввинов для обсуждения средств и путей к достижению образования среди евреев, что способствовало «устройству еврейских училищ», автор выступает против их распространения:

Открытие народных школ, общих для всех жителей губернии, представляется вернейшим средством для достижения единства. Различные религиозные верования препятствуют гражданскому единству только в государствах необразованных. Евреи вполне постигают пользу образованности, открывающей им еще обширнейшее поприще деятельности <...>, проведя несколько лет на одной школьной скамье, молодые люди перестали бы смотреть друг на друга сквозь призму предрассудков, накопившихся в течение веков, и можно было бы надеяться, что это обстоятельство послужит сближению и общественных их интересов [Шмидт 1863, 517].

Автор обращает внимание на то, что в финансовых операциях с простолюдинами евреи предпочитали натуральный обмен, именуемый «гандлеванием»:

Это относится, конечно, до мелких торговцев, а не больших капиталистов, оборот которых принимает другой вид [Шмидт 1863, 512].

Поясняя подобный подход, Шмидт утверждает, что

этот расчет бывает почти всегда верен, потому что еврей, имея дело с простолюдином, всегда сумеет этим способом купить товар дешевле, чем за деньги; этот торговый способ известен здесь под именем гандлевания [Шмидт 1863, 518].

В конце 1850-х г. на страницах «Одесского вестника» выходит работа К. Х. (вероятно, Ханацкого) под названием «Статьи из Сорок». В ней встречается следующий пассаж:

Еврей для молдавана – субъект необходимый. Все, что для него нужно, сподручно, он отыщет у еврея. Где в аренде лес – там непременно еврей; где есть пустопорожнее место для выпаса – там еврей; везде кстати и некстати прилепится еврей. Волей-неволей, а к жипун (так величают молдаваны еврея) нужно прибегнуть [К. Х. 1859].

Наряду с ипостасью исследователя Шмидт предстает и как чиновник, который в качестве улучшения ситуации в экономической и межэтнической коммуникации к лучшему подчеркивает:

Когда еврей гандлюет, он живет на счет чужого труда, на счет чужих слабостей, и в общей сложности деятельность его вредна для той среды, которую он избрал своим поприщем. Еврей, торговец вполне полезное лицо в составе общества, как двигатель торговли и как конкурент, но только до тех пор, пока не найдет возможности обратить свои занятия в столь заманчивую не для одних евреев монополию. Впрочем, Херсонская губерния обеспечена от развития в ней слишком обширных и многосторонних монополий и большею частью именно вследствие конкуренции евреев [Шмидт 1863, 518].

Еще одной стороной, способствующей обогащению части еврейства, с одновременным распространением безнравственности является, как отмечали и другие современники автора, их способствование распространению пьянства:

Они, кроме распространения пьянства, на котором основано благосостояние большей части из них, для привлечения сборища нанимают нередко музыку. Под эту музыку танцуют все, и веселье принимает часто характер самой безнравственной оргии, свидетелями и даже участниками которой бывают дети [Шмидт 1863, 520].

Торговая предусмотрительность евреев изумительна, – отмечал Шмидт, – они предугадывают торговые запросы и нужду потребителей часто прежде, чем эти сами ее сознают, а все правительственные распоряжения знают прежде, чем кто-либо другой, в особенности с тех пор, как им разрешено жить в столицах [Шмидт 1863, 512].

Автор даже допускает такое утверждение, что крестьяне там живут привольно, где нет евреев [Шмидт 1863, 514]. Отсюда, вероятно, его попытка предложить властям рассеять концентрацию еврейского населения:

Мы полагаем, что правительство скорее достигло бы своей цели уравниванием прав евреев во всей империи. Через это уничтожилось бы несоразмерное накопление их в некоторых частях империи [Шмидт 1863, 518].

В работе уделяется внимание устройству еврейских домов, описанию традиционной пищи, одежды. Последняя, по словам автора, перестала иметь свое изначально обязательное значение, и торговые евреи городов стали носить практически ту же одежду, что и мещане [Шмидт 1863, 523].

Писавший о евреях в середине XIX в. А. А. Скальковский⁹ заметил:

Край Новороссийский – это обетованная земля евреев. После западных губерний, где число их доходит до 1/6 части всего народонаселения и составляет всю массу городских жителей, только Новороссийские губернии и Бессарабия представляют им покойное, а главное, весьма прибыльное убежище [Скальковский 1850, 308–309].

Он также указал на формирование еврейских сельхозколоний еще с конца XVIII столетия, подчеркнув, что в сельском хозяйстве в Новороссии трудилось 11 тыс. 911 чел, в 15 колониях [Скальковский 1850, 313–314].

В книге Скальковского подчеркивается стремление евреев дать детям образование.

Кроме обыкновенных и доселе бесполезных духовных еврейских школ мы имеем два главные еврейские училища в Одессе и Кишиневе, для обоого пола

⁹ Аполлон Александрович Скальковский (1808–1898), известный историк, редактор главного статистического комитета Новороссийского края, член Императорского русского географического общества, Одесского общества любителей истории и древностей, а также ряда других общественных и государственных организаций.

Начав свою служебную деятельность при канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова, А. А. Скальковский дослужился до чина тайного советника. Много путешествовал, собирал и изучал архивные материалы, на основании некоторых из них им были написаны многочисленные труды по истории Новороссийского края.

детей, где они учатся и весьма охотно: русскому языку и литературе, истории, географии, языкам и проч., делая удивительные успехи. Многие даже посещают гимназию и лицей, что уже составляет самую высокую степень гражданского нашего воспитания [Скальковский 1850, 314].

А. А. Скальковский является также автором отдельной работы «Еврейские колонии на Юге России в 1880 г.» (1881).

Характеризуя справочный сборник «Бессарабия» под редакцией П. А. Крушевана (его в ряде публикаций называют одним из зачинщиков еврейских погромов в Кишиневе в 1903 и 1905 гг. [Кушнир 2013, 117–118; Аленин 2013, 96; Урусов 2004, 75–76]), хотелось бы привести слова П. Д. Драганова:

многие главы этого весьма полезного сборника составлены несамостоятельно (почти исключительно по книгам А. И. Защука, ставшим уже библиографической редкостью, причем нередко повторяются совершенно устарелые сведения и ошибочные суждения) [Драганов 1993, 79–80].

Так, в характеристике евреев края вновь подчеркивается, что «племя это <...> составляет в Бессарабии важную часть населения» по численности и «по тому, что вся местная торговля находится в его руках» [Бессарабия 1903, 186]. Далее в кратком очерке идет повествование о том, как плохо ухожены поля еврейских колоний (16 из которых перечисляются списком), и отмечается, что евреи в основном проживают в городах края [Бессарабия 1903, 187]. Если бы не отрицательное реноме Крушевана, мы бы даже не стали включать данное произведение в очерковый анализ. П. Крушеван известен как издатель газеты «Бессарабец», которая характеризовалась антисемитской позицией.

В качестве исследователя, на творческом наследии которого хотелось бы еще остановиться, следует назвать крупного ученого с широким кругозором – Л. С. Берга, автора многочисленных трудов, в том числе энциклопедической монографии «Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство» [Берг 1918]. Л. С. Берг подчеркивает, что в основной своей массе евреи селятся в городах: «В Кишиневе около 60 тысяч евреев. <...> Из городов больше всего евреев в Бельцах, Сороках и Оргееве (в каждом около 60%)» [Берг 1918, 134].

Впрочем, города Бессарабии, особенно Кишинев, в силу нахождения там областных и губернских властей, все больше испытывали русское культурное влияние. Исследователи И. Думиника и А. Ройтман, ссылаясь на труд Шт. Чобану, приводят его наблюдение о том, что к началу XX в.

бессарабские города полностью чужды румынской душе, торговый и индустриальный Кишинев, состоящий из конгломерата национальностей, таких

как евреи, армяне, болгары, греки и русские и др., не имеет точной этнографической физиономии. Через эти национальности прошла русская культура, тем самым оторвав их от своей национальной культуры [Думиника, Ройтман 2013, 143; Ciobanu 1925, 48].

По словам Л.С. Берга, устройство жилища евреев не отличается от окружающего населения¹⁰. Тем не менее отдельные отличия, прежде всего касающиеся религиозных воззрений, имели место и были отмечены ученым. Так, на восточной стороне дома под стеклом помещали лист бумаги с текстами из Библии, с эмблемой щита Давида (два переkreпленных треугольника), с изображением львов, столбов и корон – для указания, куда повернуться лицом во время молитвы. К косякам дверей

прибивались жестяные и кожаные трубочки, в которые вкладывались пергаментные листы с текстами из Библии о единстве Божьем (мезисе), как это предписывается Пятикнижием. На праздник кущей, справляемый в память странствования по пустыне, устраивают на дворе временные небольшие сараи из досок (сикке), крытые камышом; у более же состоятельных один из постоянных сараев во дворе делается с отъемной крышей, которую во время праздника кущей снимают, заменяя камышом. Внутри этого помещения в течение праздника принимают пищу [Берг 1918, 137].

Объем не позволяет в подробностях остановиться на других трудах исследуемого периода, в которых освещается еврейское местечко. Из сказанного видно, что источники XIX – начала XX в. содержат богатый и малоизученный материал по теме исследования. Источники, рассматриваемые в данной работе, следует разделить на труды специальных комиссий и ведомств (например, офицеров Генерального штаба России); произведения писателей того времени; наработки энциклопедистов, имеющих возможность обобщать и представлять данные на новом качественном уровне.

Еврейский вопрос в Бессарабии во взглядах князя С.Д. Урусова. Сергей Дмитриевич Урусов (1862–1937) – князь, государственный деятель. Окончил историко-филологический факультет МГУ в 1885 г. Служил на выборных должностях в Калужской губернии. С 1900 г. работал в Министерстве внутренних дел, в 1902 г. – вице-губернатор Тамбовской губернии, с 1903 г., по рекомендации В.К. Плеве – губернатор Бессарабии.

¹⁰ В ходе работы в экспедиции в с. Рашков (бывшее еврейское местечко) мне приходилось слышать легенды о том, что при строительстве домов евреи помещали в стены бараньи шкуры, отчего их дома считались самыми теплыми (Экспедиционная тетрадь № 3. Экспедиция в с. Рашков, 2009 г. Из личного архива В. П. Степанова).

В 1904–1905 гг. – губернатор Тверской губернии. В мае – августе 1908 г. отбывал срок в тюрьме по делу Выборгского воззвания. После освобождения занимался творчеством. В марте – июне 1917 г. – товарищ министра внутренних дел во Временном правительстве.

После революции неоднократно подвергался арестам, но без последствий. Одним из аргументов его лояльности выступало его реноме знатока «в вопросах антисемитизма». Работал в различных советских организациях не на руководящих должностях. В 1923 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. Умер 5 сентября 1937 г. [Урусов 2004, С. 10; 331–343; О.В. Бабанко 2017, С. 80–82].

Справедливо и точно охарактеризовал С. Урусова современный исследователь И. Аленин:

...присмотревшись к личности Урусова, поражаешься его способности быстро входить в курс дела и предпринимать необходимые шаги по изменению ситуации к лучшему. Терпимость к инаковерующим и инакомыслящим, личное достоинство, уважение к закону и в то же время независимость взглядов чиновника его ранга в царской России были целиком несвойственны... [Аленин 2013, 95].

Получив высокое назначение на губернаторство в Бессарабии, Урусов до этого не был с ней знаком вообще. Оказавшись в крае, он в короткий срок должен был войти в курс сложной внутренней специфики приграничной территории, населенной полиэтническим и разноконфессиональным населением. И это ему удалось. В поле зрения нового губернатора попал и вопрос, касающийся бессарабского еврейства.

В апреле 1903 г. произошел страшный Кишиневский погром, и факт прибытия в Бессарабию в июне того же года нового губернатора, хорошо зарекомендовавшего себя ранее, мог быть не случаен. Однако либеральные взгляды С.Д. Урусова и его умение отстаивать свою точку зрения, в частности, по еврейскому вопросу, так и не встретили понимания со стороны министра внутренних дел В.К. Плеве и сторонников наведения «порядка» жесткими мерами.

По приезду в Кишинев князь Урусов убедился, что проблема этнического равноправия продолжает оставаться острой, болезненной и злободневной. С осуждением комментируя временные правила от 3 мая 1882 г., продолжавшие действовать на момент случившегося погрома 1903 г., князь писал:

Странно вспомнить теперь, после заявления первой Государственной Думы по поводу необходимости полного гражданского равноправия, о скромных надеждах наших евреев, в 1903 году, относительно возможности некоторого частного расширения их прав, и дарования им некоторых

«льгот», как евреи тогда еще называли ослабление применяемых к ним специальных ограничительных и карательных законов. А после того, как наше министерство, в ответ на думский адрес, не высказало по поводу вопроса о равноправии никакого возражения, странно вспомнить и о том впечатлении, которое произвела в петербургских канцеляриях моя скромная и умеренная записка, в которой не упоминалось ни об уничтожении черты оседлости, ни о праве евреев покупать имения, ни о праве их занимать государственные должности [Урусов 2004, 236].

Анализируя законодательство XIX в. по еврейскому вопросу, Урусов писал, что оно

представляет собой созданный влиянием различных течений водоворот, в котором крутилось русское еврейство, неожиданно получая и беспричинно теряя разнообразные права. Так например, евреям черты оседлости, в начале XIX века, разрешено было курить вино и держать на откупе питейную продажу повсеместно; затем – только в городах; затем – опять в селах. В половине столетия винные промыслы были снова запрещены в селах евреям всех сословий, но затем сделано исключение для евреев, содержащих откупа. Через 15 лет евреи получили право торговать вином на общем основании и арендовать винокуренные заводы; через 11 лет право это было ограничено, а лет через 15 – евреи фактически были совершенно устранены от торговли хлебным вином [Урусов 2004, 237].

Мы привели лишь небольшую выдержку из текста Урусова, в котором говорится о несбалансированности и ущербности русского законодательства в отношении лиц еврейской национальности. Понятно, что подобная позиция в сложных внутривнутриполитических условиях России, привыкшей больше к карательным мерам наведения порядка, вряд ли могла понравиться властям (см. далее, как Урусов это демонстрирует на примере общения с министром Плеве).

Вряд ли последнему могли понравиться факты, приводимые автором, критиковавшим законодательство, которое сам министр проводил в жизнь (в частности, майские правила 1882 г.):

В начале XIX века «особый комитет», ограждая население от евреев, потребовал выселения их из деревень, а через 5 лет другой комитет пришел к убеждению, что евреи в сельской местности не только не вредны, но полезны, и решительно высказался за оставление евреев на местах. Однако в 20-х годах евреев выселили из деревень 4-х губерний и хотя в тридцатых годах выселение прекратили, но в 40-х оно было возобновлено по соображениям «военного» характера. Затем евреев, живших в сельских местностях, перестали тревожить, пока не были изданы правила 1882 года, запрещающие

евреям селиться вне городов и местечек. Тогдашний министр внутренних дел, известный по данному ему прозвищу «Mentir-pacha», мотивировал новое запрещение желанием правительства оградить евреев от христиан [Урусов 2004, 238].

О непростой ситуации, сложившейся «на местах», в том числе в бессарабском правлении, свидетельствует приводимое ниже наблюдение, которое мог осуществить только человек, знавший всю подноготную проблемы:

В то же время, под высшим руководством губернских правлений, велась против живших в сельских местностях евреев оживленная партизанская война. Рассыпанным по губернии полицейским чинам была указана цель кампании: обращение возможно большего числа прежних жителей сел в новых поселенцев и затем выдворение их к месту приписки на основании майских правил. Что же касается средств, пускаемых в ход для достижения намеченной цели, то самые остроумные из них имели место именно в Бессарабии, а потому я буду пользоваться здесь исключительно примерами из практики бессарабского губернского правления уструговского времени¹¹.

В семью евреев, издавна живших в сельской местности, возвращался отбывший срок военной службы солдат. Он признавался поселившимся вновь, и выдворялся на место приписки, в город или местечко, из того села, где он родился, где провел детство и юность и где безвыездно продолжали жить его родители. Второй брат, найдя себе невесту в еврейской семье соседнего села, оставался некоторое время после свадьбы у тестя. Он считался ввиду этого потерявшим право возвратиться к себе домой и, так как, вместе с тем, он не приобретал права жить в селе у новых родственников, то его с молодой женой выселяли в город. Затем доходила очередь и до отца семейства. Если он, по торговым делам, уезжал из сельской местности и отсутствие его было замечено, а пребывание в городе показано в полицейских сведениях о прибывших, то возврата в село для него не было: он мог взять свой скарб, но обязан был вслед затем переехать в то городское поселение, к которому он был приписан [Урусов 2004, 240–241].

Читатель уже заметил стремление Урусова доказывать приводимые аргументы конкретными примерами из жизни. Ниже продемонстрирован пример формализма, с которым пытался бороться автор:

Одиннадцатилетний сын небогатого кишиневского еврея, очень способный и трудолюбивый мальчик, прекрасно подготовленный ко второму классу

¹¹ Речь идет о времени вице-губернаторства в Бессарабии действительного статского советника Василия Гавриловича Устругова (16.01.1892—04.07.1903).

кишиневского реального училища, не мог туда поступить ввиду установленной процентной нормы. Отец его, не жалевший трудов и расходов для образования сына, задумал попытаться поместить его в с. Камрат (так в тексте. – В.С.), в местное реальное училище, о чем и стал усиленно хлопотать в учебном округе и в местном совете. Согласие учебного начальства на поступление мальчика было получено при условии, если со стороны административных властей не встретится препятствий к разрешению ему проживать в Камрате. С такого рода письменным удостоверением директора училища отец обратился в губернское правление, прося позволения поместить сына в Камрате, на квартире одного из учителей, принявшего его под свой надзор, в качестве нахлебника.

Губернское правление отказало просителю, на том основании, что Камрат – сельская местность, к тому же отстоящая от румынской границы на расстоянии менее 50 верст.

Утвержденный императором Николаем I-м еще в 1843 году прием борьбы с еврейским контрабандным промыслом был в данном случае применен бессарабским губернским правлением, с формальной стороны, совершенно правильно. Но мне было жалко мальчика, приведенного ко мне на утренний прием плачущим отцом, и к тому же я не видел от пребывания в Камрате маленького реалиста серьезной угрозы ни для государственных финансов, ни для добрых нравов и благосостояния камратского населения. Поэтому я решил на этот раз, в виде исключения, отменить наше журнальное постановление, и написал новое, в котором, путем ряда софистических умозаключений, пришел к выводу, что пребывание сына просителя в Камрате не противоречит закону [Урусов 2004, 251–252].

История не терпит сослагательного наклонения, но кто знает, если бы рассуждения князя Урусова были услышаны, возможно, колесо российской истории повернулось бы в ином направлении. Напомним, что в западной историографии до сих пор встречаются мнения о том, что революция 1917 г. была «еврейской революцией» [Kenneth V. Moss 2009].

В заключении одного из разделов в «Записках губернатора» прозвучала позиция губернатора Бессарабии князя С. Д. Урусова как человека и гражданина:

...Законодательное признание еврейского равноправия меня несколько не страшит. Я вижу в нем способ избавиться от развращающих нас приемов борьбы с евреями. Если еврейскому влиянию надо противодействовать, то пусть борьба происходит путем мирного соперничества и естественного развития сил. Я убежден, что русский народ не потеряет при этом ни своих материальных благ, ни своего духовного богатства» [Урусов 2004, 276].

Есть такой термин «испытание властью». Да, власть – это действительно жизненный экзамен. Князь Урусов сдал его на «отлично». Впоследствии, уже передав свои полномочия вице-губернатору, он отмечал:

Никогда я не чувствовал себя так хорошо, как в течение той, предшествовавшей моему отъезду, недели, когда я сдал дела вице-губернатору и, впервые после вступления в должность, получил возможность проводить время беззаботно, вне официальных отношений, освобожденным от этикета и административной дипломатии. Потеря официального положения имела для меня одни только приятные последствия, и я ни разу в эти дни не замечал по отношению к себе, с чьей-либо стороны, той перемены, которая иногда обнаруживается среди служащих при отставке правителей от власти.

Все сослуживцы, все кишиневское общество выказали мне и семье моей самые трогательные знаки внимания. Прекрасные, тепло составленные адреса, которые я получил и храню, радушное хлебосольство, которым нас проводили, всегда будут мне памятны, а сохранившиеся до сего времени неизменными дружеские связи с некоторыми бессарабскими семьями дают мне повод окончить свои воспоминания о Бессарабии мысленным приветом по их адресу [Урусов 2004, 294].

Еще одним примером мемуарного наследия выступает творчество доктора Моисея Борисовича Слуцкого (1851–1934). Он, по сути, является единственным из известных авторов воспоминаний о Кишиневском погроме. Моисей Борисович был главным врачом кишиневской еврейской больницы. По сути, он очутился в эпицентре погрома. Именно к нему, в больницу везли убитых и тяжелораненых, именно туда обращались те, кто пострадал, но был в состоянии сам передвигаться. Как отмечает Леонид Масионжик:

...сам М.Б. Слуцкий не был и националистом. Евреи для него – это в основном своя привычная среда. Свои «простые люди», что в данном случае вовсе не означает ни пролетариев, ни «нищих духом». Это значит лишь: я могу их понять, и они меня могут понять, не пытаюсь читать между строк, не подозревая, что одни и те же слова для говорящего и для слушающего означают не одно и то же. Но нигде у Слуцкого не найти даже намеков, чтобы какую-либо национальность он считал лучше или хуже всех прочих. Его больница принимала людей без разбора национальностей, хотя врачам порой приходилось трудиться на добровольных началах. И когда он вспоминает своих друзей, то тоже не делит их по национальностям [Слуцкий 2019, 21].

Именуя себя «рядовым интеллигентом», Слуцкий рефлексировал в том жизненном пространстве, которое внезапно стало очагом противостояния. Полиэтническая среда буквально взорвалась насилием и жестокостью

кровавого погрома. Историко-антропологические наблюдения автора представляют собой подробную картину освоения евреями бессарабской земли, влияния властей и политики государства на еврейский вопрос. Воспоминания Слуцкого представляют авторское восприятие персоналий, оказавших влияние на еврейство – положительное и отрицательное. Автор пишет о системе и людях. Это своего рода очерк о еврейском вопросе. Безусловно, его подход субъективен, но, безусловно, важен и интересен с научной точки зрения. Особой страницей в его творчестве выступает подробное освещение страшных событий еврейского погрома.

В предисловии к книге М. Слуцкого Л. Масионжик приводит слова исследователей Владимира Тарнакина, Татьяны Соловьевой:

Даже если Моисей Борисович больше ничего не сделал бы для евреев Бессарабии, это имя осталось бы в истории благодаря его запискам “В скорбные дни” (Воспоминания о Кишиневском погроме 1903 года), где он с фотографической точностью запечатлел трагедию, о которой узнал весь мир [Слуцкий 2019, 19].

* * *

Описание традиционно-бытовой культуры еврейского населения русскими авторами, как и представителей других этносоциальных общностей Бессарабии, начинается практически с вхождения края в состав Российской империи. Эти сочинения отражают постоянный интерес к региону властей и демонстрируют постепенное развитие этнографических взглядов у чиновников, офицеров Генерального штаба, писателей.

Подобные работы продолжают оставаться важным источником в деле изучения культуры повседневности населения Бессарабии, в том числе бессарабского еврейства.

Как показано, еврейская тема в разнопрофильных источниках XIX – начала XX в., в том числе в (до недавнего времени) нередко игнорируемых этнологами художественных произведениях, представлена весьма подробно и требует специального изучения.

Рассказ, очерк могут выступать важными дополнительными источниками в деле изучения народной культуры, межэтнического диалога и формирования этнических представлений о носителях определенной культуры, в данном случае – еврейской. Объектом «нравоописательного» анализа в художественном очерке предстают не только среда в целом или ее «типические представители», но и отдельная личность, взятая в ее нравственно-психологическом аспекте. «Обобщенные», «неадресные» персонажи в очерке – один из признаков его художественности [Гордеева 2003, 707–708]. Отдельную страницу в сохранении исторической памя-

ти о народе и его культуре представляет мемуаристика. Значение этого жанра показательно демонстрирует рассмотренный в статье пример творчества С. Д. Урусова и М. Б. Слуцкого.

Художественные произведения читают чаще, чем специальную литературу. Так было и в изучаемый период, несмотря на то, что грамотных людей тогда было гораздо меньше. Поэтому художественные образы носителей культуры (национальных характеров) или отдельных проявлений культуры способствовали и продолжают способствовать формированию определенных стереотипов, порой весьма тенденциозных.

Бессарабия, включенная в состав Российской империи, являлась экзотикой для большинства русских авторов – особенно в первой половине XIX в. Это была окраина, провинция, куда часто ссылали неугодных. Статус вновь приобретенной территории и ее пограничное местоположение обращали на себя внимание военных (Н. П. Дараган, А. И. Защук).

Многочисленность евреев в крае тоже воспринималась как экзотика, к которой авторы изучаемого времени относились весьма по-разному. Поликультурное население, живя совместно, в то же время в немалой степени дистанцировалось друг от друга (например, колонии задунайских переселенцев в Буджаке, замкнутые поселения немецких и швейцарских колонистов). Столь же «камерно» в иноэтничном окружении проживали евреи. Своеобразная замкнутость объясняется иноконфессиональностью и родом деятельности (торговля, ростовщичество, посесорство и т. п.). Религия и занятия евреев способствовали формированию неоднозначного их восприятия, на что влияли и различные печатные работы того времени. Напомним, что в конце рассматриваемого периода в Бессарабии имели место еврейские погромы.

Итак, изучение печатных и неопубликованных источников XIX – XX вв. продолжает сохранять свою актуальность, способствуя узнаванию и сохранению многогранной культуры населения полиэтнической Бессарабии и ее важной составляющей – бессарабского еврейства.

Источники и литература

- Аксаков 1886 – *Аксаков И.С.* Записка о бессарабских раскольниках. 1886 // <https://www.litres.ru/ivan-aksakov/zapiska-o-bessarabskih-raskolnikah/>
- Аленин 2013 – *Аленин И.* Князь Сергей Дмитриевич Урусов и еврейский вопрос // Сборник научных трудов Института иудаики. Вып. III. Ред. вып. Е. Брик. Кишинев: Tipograf. «Elan Poligraf» SRL, 2013. С. 94–110.
- Бабенко 2016 – *Бабенко О.В.* Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинев 1903 – 1904. М.: Захаров, 2016. – 208 с. // <https://cyberleninka.ru/article/n/2017-03-016-urusov-s-d-zapiski-gubernatora-kishinev-1903-1904-m-zaharov-2016-208-s/viewer> (дата обращения: 17.11.2023).

- Белинский 1948 – *Белинский В.Г.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т. I. М.: ОГИЗ, 1948. – 800 с.
- Берг 1918 – *Берг Л.С.* Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство. Петроград, 1918. – 242 с.
- Бессарабия / Электронная Еврейская энциклопедия 1995 – Бессарабия/ Электронная Еврейская энциклопедия, 1995 // <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/10588/> (дата обращения: 12.03.2021.)
- Бессарабия 1903 – Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. Издание газеты «Бессарабец». Под ред. П. А. Крушевана. М.: Тип. А. В. Васильева, 1903. – 520 с.
- Вельтман 1831 – *Вельтман А.Ф.* Странник. 1831//https://librs.net/lread_163635 (дата обращения: 17.05.2021).
- Вигель 1892 – *Вигель Ф.Ф.* Замечание на нынешнее состояние Бессарабии. Писано в октябре 1823 г. М.: Университетская типография, 1892. – 256 с.
- Вигель Русский биографический словарь. Б. г. Сетевая версия – Вигель Филипп Филиппович // Русский биографический словарь. Б. г. Сетевая версия: <http://rulex.ru/01030337.htm> (дата обращения: 12.04.2021).
- «Временные правила» / Электронная Еврейская энциклопедия 1995 – «Временные правила» / Электронная Еврейская энциклопедия, 1995// <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/10979/> (дата обращения: 23.04.2021).
- Гордеева 2003 – *Гордеева Е.Ю.* Очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 707–708.
- Дамьян 2014 – *Дамьян В.* 20 лет группе «Этнология евреев» Центра этнологии Института культурного наследия АНМ // *Revista de Etnologie și Culturologie*. Vol. XV. Chișinău, 2014. С. 106–113.
- Дамьян 2021 – *Дамьян В.* Три десятилетия академической иудаики в Республике Молдова (дата публикации: 24 января, 2021) // <https://institute.eajc.org/%D1%82%D1%80%D0%B8-> (дата обращения: 23.07.2021).
- Дараган 1849 – *Дараган Н.М.* Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XI. Ч. 3. Бессарабская область. СПб.: Тип. Департамента Генерального Штаба, 1849. – 162 с.
- Драганов 1993 – *Драганов П.Д.* Bessarabiana: Ученая, литературная и художественная Бессарабия: [Алф. Библиогр. указ.] / Муниц. б-ка им. Б.П. Хашдеу. Сост. П.Д. Драганов. Предисл. Ю. Колесника. Кишинев: Universitas, 1993. – 278 с.
- Думиника, Ройтман 2013 – *Думиника И., Ройтман А.* Исторические параллели в судьбах болгар и евреев Бессарабии в XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы истории, этнологии, филологии и права евреев. Международная научная конференция. Кишинев, 2013. С. 139–143.

- Защук 1862 – *Защук А.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Ч. I. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. – 582 с.
- Защук 1863 – *Защук А.И.* Этнография Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 491–589.
- Зеленчук 1979 – *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: «Штиинца», 1979. – 288 с.
- К.Х. 1859 – *К.Х.* Статьи из Сорок // Одесский вестник, 1859, № 140, 141.
- Кабузан 1974 – *Кабузан В.М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1974. 160 с.
- Копанский 2001 – *Копанский Я.М.* Исследования по иудаике в отделе истории и культуры евреев Молдовы // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. II. Кишинэу, 2001. С. 29–33.
- Кушнир 2013 – *Кушнир Ж.И.* К 110-летию Кишиневского погрома. Памятные даты. Кишинев: Б. и., 2013. – 152 с.
- Левит 2014 – *Левит И.Э.* Воспоминания о Молдавской Академии наук и ее первом президенте Я.С. Гросуле. Тирасполь, Б. и., 2014. – 263 с.
- Мадиевский 1993 – *Мадиевский С.* Правовое положение евреев Бессарабии к началу XX в. // Кишиневский погром 1903 года. Сборник статей. Кишинев, 1993. С. 11–28.
- Яковенко 1828 – *Яковенко И.П.* Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и Российской Бессарабской области. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1828. – 294 с.
- Пасик 2015 – Пасик Я. Свертывание политики поощрения еврейского земледелия / Еврейские земледельческие колонии Юга Украины и Крыма (дата публикации: 01.01.2015)//<http://evkol.ucoz.com/index.htm> (дата обращения: 22.07.2021.).
- Свиньин 1867 – *Свиньин П.П.* Описание Бессарабской области, в 1816 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 175–323.
- Скальковский 1850 – *Скальковский А.А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I. География, этнография и народонаселение Новороссийского края. Одесса: Тип. Нитче, 1850. Свиньин П. П. Описание Бессарабской области, в 1816 году – 366 с.
- Слуцкий 2019 – *Слуцкий М.Б.* В скорбные дни : Кишиневский погром 1903 года / публ., предисл., коммент., указ. Л.А. Мосионжника – 2-е изд. стереотип. СПб.: “Нестор-История”, 2019. – 328 с.
- Степанов 2010 – *Степанов В.П.* Грани идентичностей. Кишинев: “Elan inc” SRL, 2010. – 598 с.

- Степанов 2018 – *Степанов В.П.* Русский конгресс действует. Очерки истории русского этнокультурного движения в Республике Молдова. Кишинэу: [б. и.], 2018. – 521 с.
- Указ 1991 – Указ «О мерах по обеспечению развития еврейской национальной культуры и удовлетворению социальных нужд еврейского населения Республики Молдова» от 12 августа 1991 г. Опубликован: 30.12.1991 в Monitorul Oficial Nr. 011 статья №: 130.
- Урусов 2004 – *Урусов С.Д.* Записки губернатора. Кишинев, 1903–1904 г. Издание В.М. Саблина / Urusov S.D. Записки губернатора / Responsabil de ediție: Aurel Marinciuc: cop. / Vladimir Zmeev. Chișinău: Litera, 2004. – 343 с.
- Юхнова 2015 – *Юхнова И.С.* А.Ф. Вельтман в оценке В.Г. Белинского // *Фундаментальные исследования*, 2015, № 2. С. 5977–5980.
- Шмидт 1863 – *Шмидт А.* Материалы для военной географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. Ч. 1. Составитель Генерального штаба подполковник А. Шмидт. СПб., 1863. – 632 с.
- Яковенко 1828 – *Яковенко И.П.* Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и Российской Бессарабской области с картой; изображенное в письмах, с историческим и статистическим описанием сих земель, нравов, обычаев и домашнего быта тамошних жителей с росписями всех бывших доньне в Молдавии и Валахии господарей, и с объяснением разных чинов и их должностей / Соч. Игнатия Яковенка. – Санкт-Петербург: тип. А. Смирдина, 1828. – 294 с.
- Cărțile editate 2014 – Cărțile editate de cercetătorii Grupului „Etnologia Evreilor” al Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM (1991–2014) // *Revista de Etnologie și Culturologie*. Vol. XV. Chișinău, 2014. P. 113–124.
- Ciobanu 1925 – *Ciobanu Șt.* Chișinăul. Chișinău: Secția din Basarabia, 1925. – 122 p.
- Moss 2009 – Moss K.B. Jewish Renaissance in the Russian revolution. Cambridge, Mass.; London: Harvard univ. press, 2009. – 384 с.

Bessarabian Studies: Jewish Culture in the Works of Russian Authors XIX – early XX century

Vyacheslav Stepanov

(Moscow, Russia)

Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences,

Department of Contemporary History of Central and Southeastern Europe

E-mail: vpstepanovpochta@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5026-9505

Abstract: The paper analyzes the works of Russian officials and officers of the 19th – early 20th centuries, which describe the culture, life and national character of the representatives of the Jewish population of Bessarabia and its neighboring territories (P. Svinyin, F. Vigel, I. Yakovenko, I. Aksakov, A. Skalkovsky, N. Daragan, A. Zashchuk, A. Schmidt, L. Berg). Separate attention is paid to the artistic word of Russian writers of the designated period: “Wanderer” by A. Veltman, memoirs by S. Urusov. The author emphasizes the importance of involving works of fiction in covering the traditional and everyday culture of Jewry, its situation, characterization of the people and its individual representatives.

Keywords: Bessarabia, XIX – early XX centuries, Jews, Pale of Settlement, Russian authors, writers, officers of the General Staff, traditional everyday culture, culture of everyday life, works of art, essays, memoirs.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.02

References

- Alenin, I., 2013, Kniaz' Sergei Dmitrievich Urusov i evreiskii vopros [Kniaz' Sergei Dmitrievich Urusov i evreiskii vopros]. *Sbornik nauchnykh trudov Instituta iudaiki* [Proceedings of the Institute of Jewish Studies], III, ed. E. Brik, 94–110. Kishinev, Tipograf. "Elan Poligraf" SRL, 120.
- Berg, L., 1918, *Bessarabiia. Strana. Liudi. Khoziaistvo* [Bessarabia. Country. People. Economy]. Petrograd, 242.
- Dam'ian, V., 2014, 20 let gruppe «Etnologii evreev» Tsentra etnologii Instituta kul'turnogo nasledii ANM [20 years of the group “Ethnology of Jews” of the Ethnology Center of the Institute of Cultural Heritage of the Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova]. *Revista de Etnologie și Culturologie*. Vol. XV, Kishinev, 106–113.

- Dam'ian, V., *Tri desiatiletiia akademicheskoi iudaiki v Respublike Moldova* [Three Decades of Academic Jewish Studies in the Republic of Moldova]. <https://institute.eajc.org/%D1%82%D1%80%D0%B8->
- Duminika, I., Roitman, A., 2013, *Istoricheskie paralleli v sud'bakh bolgar i evreev Bessarabii v XIX – nachale KhKh vv.* [Historical parallels in the fates of Bulgarians and Jews of Bessarabia in the XIX – early XX centuries]. *Aktual'nye problemy istorii, etnologii, filologii i prava evreev. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia.* Kishinev, 139–143.
- Zelenchuk, V., 1979, *Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ia v XIX v. (Etnicheskie i sotsial'no-demograficheskie protsessy)* [Population of Bessarabia and Subnistria in the XIX century (Ethnic and socio-demographic processes)]. Kishinev, "Shtiintsia", 288.
- Kabuzan, V., 1974, *Narodonaselenie Bessarabskoi oblasti i levoberezhnykh raionov Pridnestrov'ia (konets XVIII – pervaiia polovina XIX v.)* [Population of the Bessarabian region and left-bank districts of Transnistria (late 18th – first half of the 19th century)]. Kishinev, "Shtiintsia", 160.
- Kopanskii, Ia., 2001, *Issledovaniia po iudaike v otdale istorii i kul'tury evreev Moldovy* [Studies on Judaic Studies in the Department of History and Culture of the Jews of Moldova]. *Ezhegodnik Instituta mezhetnicheskikh issledovani.* Vol. II, Kishinev, 29–33.
- Kushnir, Zh., 2013, *K 110-letiiu Kishinevskogo pogroma. Pamiatnye daty.* [To the 110th anniversary of the Kishinev pogrom. Commemorative dates]. Kishinev, [bez izdatel'stva], 152.
- Levit, I., 2014, *Vospominaniia o Moldavskoi Akademii nauk i ee pervom prezidente Ia. S. Grosule* [Memories of the Moldavian Academy of Sciences and its first president Ya. S. Grosul]. Tiraspol', [bez izdatel'stva], 263 s.
- Madievskii, S., 1993, *Pravovoe polozhenie evreev Bessarabii k nachalu XX v.* [Legal status of the Jews of Bessarabia by the beginning of the twentieth century]. *Kishinevskii pogrom 1903 goda. Sbornik statei.* Kishinev, 1993. S. 11–28.
- Pasik, Ia., 2015, *Svertyvanie politiki pooshchreniia evreiskogo zemledeliia* [Curtailling the policy of encouraging Jewish farming]. *Evreiskie zemledel'cheskie kolonii Iuga Ukrainy i Kryma.* <http://evkol.ucoz.com/index.htm>.
- Slutsky, M., 2019, *V skorbnye dni: Kishinyovskij pogrom 1903 goda* [In the sorrowful days: the Kishinev pogrom of 1903] / publ., predisl., komment., ukaz. L.A. Mosionzhnika – 2-e izd. stereotip. Sankt-Peterburg: "Nestor-Istoriya". – 328 s.
- Stepanov, V., 2010, *Grani identichnosti* [Facets of identities]. Kishinev, "Elan inc" SRL, 598.
- Stepanov, V., 2018, *Russkii kongress deistvuet. Ocherki istorii russkogo etnokul'turnogo dvizheniia v Respublike Moldova* [The Russian Congress is active. Sketches of the history of the Russian ethno-cultural movement in the Republic of Moldova]. Kishinev, [bez izdatel'stva], 521.

- Iukhnova, I.S., 2015, A.F. Vel'tman v otsenke V.G. Belinskogo [A.F. Veltman in the assessment of V.G. Belinsky]. *Fundamental'nye issledovaniia*, № 2, 5977–5980.
- Cărțile editate de cercetătorii Grupului „Etnologia Evreilor” al Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM (1991–2014), 2014, *Revista de Etnologie și Culturologie*, Vol. XV, Kishinev, 113–124.
- Ciobanu, Șt., 1925, Chișinăul. [Kishinev], *Secția din Basarabia*, 122.
- Moss, K.B., 2009, *Jewish Renaissance in the Russian revolution*. Cambridge, Mass, London, Harvard univ. press, 384.

Статья принята к печати 23.08.2022